

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ

УДК 340.12

Рыскельдиева Л. Т.

ПОНЯТИЕ «ANNOYANCE» И «ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ» В ДЕОНТОЛОГИИ ДЖ. БЕНТАМА

Великий основатель утилитаризма и родоначальник деонтологии Дж. Бентам известен резкой критикой идеи должностования и этики долга. Эта критика вполне соответствует установке юридического позитивизма, позволившего Бентаму утверждать первичность права по отношению к морали и считать, что в зону нравственности попадает всё то, что не подлежит государственному регулированию с помощью законодательства. По нашему убеждению, морально-правовое наследие Дж. Бентама сейчас заслуживает особого внимания отечественных гуманитариев. На протяжении полутора веков было принято осуждать утилитаризм и считать, что он выражает призыв стремиться к пользе, отождествляя полезное с нравственно добрым и утверждая принципы буржуазного индивидуализма и меркантилизма. Ревизия и реабилитация критической деонтологии Дж. Бентама – дело будущего, в данной статье мы хотели бы, во-первых, реконструировать его взгляд на моральную философию вообще и, во-вторых, определить степень и характер тех нормативов, которые он формулирует в своей деонтологии. Понятие «annoyance» здесь играет важную роль.

Дж. Бентам критически и негативно относится к моральной философии как таковой, считая, что никто, кроме самого человека не вправе судить о том, что должно и что не должно ему делать. «Каждый человек есть наилучший судья самому себе при выборе той линии поведения, которая в каждом случае максимально способствует его благополучию... каждому человеку зрелого возраста и здравого ума должно быть позволено судить и действовать самостоятельно, и что всё, что может быть сказано и сделано другим человеком с целью направить поведение первого, есть не более чем глупость и наглость» [1, с. 250] - чеканит он. Исходя из этого главного положения своей деонтологии, Бентам корректирует коммуникативную ситуацию, в которой оказывается «пишущий моралист» (Я, писатель) по отношению к тому, к кому обращены его поучения (Другой, читатель). Если никто в качестве моралиста не «выше» другого, то эта ситуация имеет, так сказать, «горизонтальную топологию», а у моралиста нет морального права на поучения. Метафора той роли, на которую Бентам, в качестве деонтолога и автора текста о морали, согласен – scout (разведчик, охотник), который «обременил себя (put upon) поисками (hunt for) последствий» [1, с. 251] и их связей с определёнными причинами. Появление метафо-

ры охоты здесь не случайно и соответствует какой-то своеобразной традиции английской эмпирической философии. Дж. Локк, например, пишет, что «поиски разумом истины представляют род соколиной или псовой охоты, в которой сама погоня за дичью составляет значительную часть наслаждения... тот, кто... обратит в дело собственные мыслительные способности для отыскания и исследования истины, не останется без удовлетворения охотника (что бы он ни нашел)» [2, с. 81]. Философия для Локка – процесс, дающий неизъяснимое удовольствие, но он даёт ещё и удовлетворение, так как поиски могут увенчаться успехом, и будет «поймана» истина. Об азарте в связи с философией пишет и Д. Юм: «...нет двух видов аффектов, более похожих друг на друга, чем страсть к охоте и к занятию философией...» [3, с. 207]. Полезность, практическое значение философии и в данном случае вторичны, являются необходимыми «только для того, чтобы оказать поддержку воображению» [3, с. 207], однако, несмотря на то, что без результатов философских изысканий, как и без пойманной дичи, мы прекрасно можем обойтись, «в пылу деятельности мы уделяем этой цели такое внимание, что всякое разочарование доставляет нам большое неудовольствие и мы испытываем печаль как в том случае, когда упускаем дичь, так и в том, когда впадаем в какую-нибудь ошибку в своём рассуждении» [3, с. 207]. Страсть, азарт, игра, воображение – «вот в чём, читатель, состоит удовольствие тех, кто даёт волю своим мыслям и излагает их письменно» - признаётся Дж. Локк [2, с. 81]. Дж. Бентам свою метафору охоты-философии дополняет идеей пользы и образом служения, услуги (service), которую «разведчик-моралист» оказывает, делясь результатами своих поисков с другими (кстати говоря, словари указывают на «служитель в Оксфордском университете» как на одно из значений scout): «...к пользе тех, кто чувствует, что расположен принять его служение...» [1, с. 251]. Тем самым он определяет своего читателя, даёт определенность адресности своего текста: бентамов Другой – это тот, кто определенным образом «расположен» по отношению к нему, это «свой Другой». Такое его «расположение» может быть увидено в разных «ипостасях»: с одной стороны, это тот, кто ищет у него ответа на свои вопросы, то есть тот, кто захвачен моральной философией и находится в поисках нормативного. С другой стороны, это тот, кто ищет у него ответа на свои вопросы, то есть тот, кто захвачен авторитетом самого Бентама, силой его личного воздействия или воздействия его слова – тот, кто находится в поисках доверия.

Нельзя в очередной раз отказать родоначальнику утилитаризма в остроумии в связи с вопросом о статусе и роли его собственных текстов - он предлагает расценивать их в качестве некоего конкурсного сочинения, участвующего в борьбе за премию. Эта премия, по его мнению, может быть предназначена тому, кто преуспеет в указании максимально большего количества путей и способов получения удовольствий [1, с. 256-257]. Таким образом, сохраняя и автономию Другого, и автономию своего дискурса, Бентам создает полезную коммуникативную ситуацию: читатель может получить удовольствие, научившись у автора, автор же может получить премию, научив читателя. При этом отношение «учитель-ученик» нимало не формализовано, является результатом обоюдной доброй воли, а право учительствовать даёт большее количество опыта - это понятный, прозрачный критерий, поддающийся измерению (certain degree of experience) [1, с. 131].

ПОНЯТИЕ «ANNOYANCE» И «ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ» В ДЕОНТОЛОГИИ ДЖ. БЕНТАМА

Отсутствие «жесткости» в связи «учитель-ученик» Бентам дополняет ликвидацией «жесткости» в отношении «автор-читатель», имплицитно вводя определение жанра своего сочинения: советы, наставления (*instructions*), правила (*rules*). Не обладая правом на императив, Бентам как бы лишает надежд тех, кто пришёл к нему в поисках нормативного – его источником бывает только «я сам», чего, впрочем, вполне достаточно: «там, где человеческое *ipse dixit* играет роль аргумента, всё остальное – излишне» [1, с. 255]. Впрочем, и тех, кто пришел к нему в поисках доверия, Бентам как бы призывает к самостоятельности, становясь для них только одним из возможных примеров - человеком, понимающим, сколь легко давать советы и сколь трудно им следовать [1, с. 266]. Так, коммуникативная ситуация, в которую погружает нас Бентам, становится «мягкой», подвижной, адаптивной и не оставляющей ни малейшей основы для насилия, то есть такой ситуацией, развитие которой направлено (в качестве последствий) на: благоразумие, благожелательность и благодеяние.

Совокупность «советов утилитариста» относится к коммуникативной ситуации, в которой может обнаружиться конфликт интересов и которая требует, согласно деонтологии Бентама, максимально возможного самоконтроля. Советы Бентама носят и негативный (уроки, предупреждения), и позитивный (правила, рекомендации) характер. Сфера их приложения – действия, имеющие материальные последствия (*material consequences*) или «деонтологический доминион» (*the dominion of deontology or morality*) [1, с. 181]. Деонтологически нейтральные действия не имеют материальных последствий (я съел своё яблоко без угрозы расстройства пищеварения), являются делом моего вкуса и не касаются конфликта интересов. Поэтому понятно, что основа трёх полезных добродетелей – благоразумие (*prudence*), а власть над собственным умом, самоконтроль и управление мыслями – главный путь к добродетели, то есть к счастью.

Бентам сохраняет автономию Другого, призывает к самоконтролю и даёт некие правила для руководства ума (*command of mind over thoughts*). Его нехитрая «полезная йога», как искусство отвлекаться от неприятных мыслей и концентрироваться на приятных, не имеет целью трансформировать, переделать обычного человека. Умение контролировать мысли – это бентамов ответ на нелегкий вопрос о соотношении свободы и необходимости: поскольку в моей власти записывать, фиксировать, облекать в слова свои мысли (в данный момент), постольку я свободен; поскольку что-то заставило меня сесть за это занятие и предаться этим размышлениям, я зависим [1, с. 259]. Под «Я» здесь подразумевается обычный человек, только способный отвлекаться, переключать внимание, заниматься другим делом, способный вообще быть занятым – в этом одно из больших преимуществ занятости (*busy life*) [1, с. 259] в деле осуществления благоразумия в отношении себя (*self-regarding prudence*).

Когда такое «благоразумие-к-себе» подчиняется человеческим интересам, то некоторые из них, став мотивами или стимулами действий, могут оказаться препятствием на пути осуществления «благоразумия-к-другим» и стать неким уроком для тех, кто не способен к самоконтролю. Среди мотивов, интересов, по отношению к которым можно рекомендовать воздержание, находятся те, потворство которым

может породить и зло, то есть страдания: интересы «стола», «кошелька», «скипетра» (власти), «подушки», «медных труб», болтовни. Без меры, расчёта и определенного воздержания ситуация лести может сделать ответственным за дурные последствия не только того, кому льстят, но и льстеца [1, с. 261]. Таким образом, сфера моих мотивов влияет на направленность и характер моих действий, находится в области желаний, стремлений и их воплощения – там, где проявляется реальное единство благожелательности (зложелательности) и благодеяния (злодеяния).

Совокупность неких предупреждений по отношению к действиям, деонтологически неправильным, Бентам формулирует на основе понятия *annoiance* (беспокойство, раздражение, неудовольствие, неприятность). Оно используется по отношению к ряду действий, на первый взгляд, незначительных, но последствия которых, в конечном счете, имеют один смысл – они нарушают автономию Другого, не попадая при этом в поле действия государства и закона. *Annouance*-беспокойство, в этом смысле, аналогично *offense*-преступлению из Уложения о наказаниях, разница лишь в том, что «наказание» как реализация легальной санкции по отношению к *annoiance*-беспокойству – слишком велико, излишне [1, с. 262]. Поэтому *annoiance* здесь – нарушение того порядка и правильности, при которых должен пополняться символический Фонд Всеобщего Блага, реальное вмешательство в автономию Другого, деонтологический вред.

Говоря о способах причинения *annoiance*-вмешательства, Бентам наибольшее внимание уделяет дискурсивному вмешательству (*annoiance by discourse*), понимая под дискурсом область речевых коммуникаций [1, с. 262]. Именно здесь, по его мнению, благоразумие может быть в самой тесной связи с благожелательностью и благодеянием и сильно влиять на установление добрых отношений (*to stand well in the affections of another man*) (там же), в данном контексте, таких отношений, при которых максимально возможно сохраняется автономия Другого. Понимая, что в абсолютном отношении это невозможно, он даёт перечень «видов» дискурсивного вмешательства, несомненно, причиняющих беспокойство-*uneasiness*: например, сообщение неверной и бесполезной информации, утверждение своего превосходства в чем-либо, допросы, советование, перебивание говорящего и др., а также перечень того, что считается оправданием (основанием) для причинения беспокойства – оно может быть как ложным, так и правильным. К слову сказать, по Бентаму, реальным основанием для причинения мной беспокойства Другому не может быть ни моя правота, ни его проступок, но может быть мой семейный или политический (публичный) авторитет [1, с. 264]. В любом случае, предупреждает Бентам, прежде чем что-либо говорить кому-либо, подумайте, не причинит ли это ему беспокойство, и если причинит, то какова будет его «цена», будет ли в качестве последствий удовольствие, большее, чем неудовольствие от причинения беспокойства [1, с. 263]. Искусство правильной коммуникации, таким образом, становится искусством видения последствий, а коль скоро обычный человек не в состоянии рассчитать всё, то следуя советам Бентама, лучше беспокойства-*annoiance* не чинить. В этой связи, думается, Бентам не возразил бы против отнесения умствований и поучений морализаторов к разряду «дискурсивного вмешательства». И как не вспомнить здесь «Опыт о болезнях головы», где И. Кант рвению философов, с которым те рассуж-

дают о разуме и добродетели (и которое «может хорошо воспитанных и учтивых людей освободить от бремени обладания ею» [4, с. 227]), противопоставляет усиленную дозу слабительного, дабы эти рассуждения, эта «болезнь головы» «была бы раз и навсегда устранена, причем, совершенно незаметно, не причиняя этим какое-либо беспокойство обществу» [4, с. 241].

Если же беспокойство-вмешательство допущено в отношении вас, предупреждает Бентам, не спешите упрекать Другого, постарайтесь отнести всё на счет недоразумения или непонимания, переведите неприятный для вас разговор на другую тему, наконец, пошутите. Однако, если *annoyance* перестает быть только дискурсивным и достигает ваших органов чувств, то ситуация осложняется – перцептивная организация, ваша телесность есть некая граница, предел, за которым *annoyance* может перестать быть только деонтологическим феноменом. Из пяти органов чувств два являются неприкосновенными для Другого – вмешательство в мое осязание и вкус может быть всегда расценено как легально наказуемое деяние (нападение или отравление), тогда как воздействие на зрение, слух и обоняние могут быть подвержены и *annoyance*, особенно сильному, переходящему в оскорбление, если это воздействие – со стороны телесности Другого (отрыжка, испускание газов, вид слезы и др.) [1, с. 267-270]. Бентам особенно много внимания уделяет описанию механизма осуществления этого вида *annoyance*, показывая, что дурные манеры – это только личное дело каждого, они не столько вредят их обладателю, сколько Другому. Поэтому бентамова мораль тесно смыкается с политикой именно в способе рефлексии, предупреждения и осознания «цены» вмешательства в автономию Другого. Стремление этого избежать есть вежливость (*politeness*, *politesse*), воспитанность (*good breeding*, *la Petite Morale*) [1, с. 276].

Практическая часть «Деонтологии...» Дж. Бентама заканчивается неким универсальным наставлением или призывом, вполне реалистическим благодаря своему адресату. Он обращен к тем слоям общества, в которых можно найти возможность распоряжаться самим собой, быть самостоятельным: «Если вам не надо делать что-то еще... начнет ли делать добро (*good*) тем или иным способом любому живому существу, разумному или неразумному, значительному или незначительному» [1, с. 278]. Результат, уверяет Бентам, будет только добрым.

Бентам, конечно, прав, но поневоле вспоминается русская поговорка «не делай добра, не получишь зла». Верность и точность этой поговорки связана не только и не столько с трудностью различения добра и зла для обычного человека и непреодолимостью, неизбежностью переплетения этих начал в мире сущего, сколько с небольшим вопросом, который возникает у каждого, принявшего рекомендацию Бентама всерьез и решившего приняться за их воплощение: как? Впрочем, не пускаясь в метафизические рассуждения о добре и зле, исходя из обыденного понимания *good* (хороший), бытующего в живом английском языке, Бентам даёт ответ и на этот вопрос. «Если вы собираетесь заняться деланием добра другому, другими словами, оказывать ему услугу (*service*), и если у вас есть выбор пути или способа её оказания, подумайте и заметьте, какой способ её получения наиболее по вкусу ему (другому)» [1, с. 279]. Именно здесь, нам представляется, находится «нерв» бентамова учения о морали: «Если в результате небольшой сдержанности (*self-restraint*) и не-

большого размышления (reflection) вы сможете сделать ему добро так, как подходит ему (his own way), то будет плохой экономией и неверным поведением с вашей стороны выбрать оказание ему меньшего добра только потому, что так подходит вам...» [1, с. 279]. Этот «нерв» заключается в небольшом моменте «self-restraint» и «reflection» - остановиться и подумать, как нужно ему. Другими словами, представить, как если бы вы были он, то есть на мгновение в результате некоторой «остановки» добровольно нарушить собственную автономию, «впустив» в неё Другого-чужого, на это мгновение сделав его Другим-своим. Эта крошечная «жертва», минимальная из возможных, «жертва» непрерывностью процесса самоутверждения может стать той неизбежной и оправданной «цена» свободного времени («если вам не надо делать ничего другого...»). В противном случае ваша услуга, оказанная другому *youг own way* (по-вашему), становится не добром, а по глубокому убеждению Бентама, тиранией, и в этом с ним не согласится только тиран.

Таким образом, если мы, благодаря чтению текста Дж. Бентама, поняли, что добро – это то, в чём нуждается Другой, но что найти непременно надо нам, то нет перед нами препятствий в «искусстве снискать расположение» (art of ingratiating). Это искусство создания адекватной, истинной коммуникативной ситуации, которая возникает, если следовать логике Бентама, в процессе делания добра, в такой коммуникативной «топологии», которая «располагает» меня по отношению к другому в одной плоскости, на одной горизонтали. Следование простым расчётам при этом поможет мне избежать крайностей сервильности и высокомерия, сохранив искомую «горизонталь». Парадоксальным образом в этом случае на время моих размышлений и в их процессе появляется то, что Бентам никак не мог эмпирически обнаружить в обществе, но на чём держится европейская цивилизация – равенство. В учении Бентама оно не провозглашается, не требуется, а имплицитно показывается в виде совета по его практическому достижению, совета, которому может последовать тот, кто способен делать добро любому живому существу.

Литература:

1. Bentham J. Deontology // Bentham J. Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. – Oxford: Clarendon Press, 1983. - p.119-281.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Письмо к читателю // Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1988. - с.80-91.
3. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга вторая. Об аффектах. Книга третья. О морали. – М.: Канон, 1995.
4. Кант И. Опыт о болезнях головы // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т.2 – М.: Мысль, 1964.

Пост упила в редакцию: 05.09.2006 г.